

ПОКАЯНИЕ

ЭЛОИСА ДИАС

*О временах, когда нейтралитет
становится ядом.*

Le Journal du Dimanche

Элоиса Диас

Покаяние

Издательство «Синдбад»

2021

Диас Э.

Покаяние / Э. Диас — Издательство «Синдбад», 2021

ISBN 978-5-00131-522-3

1981 ГОД, БУЭНОС-АЙРЕС Аргентина во власти военной диктатуры. Инспектор полиции Хоакин Альсада ежедневно сталкивается с реалиями жизни при репрессивном режиме и множеством напуганных и отчаявшихся людей. Самые трудные дела — о пропавших людях, их с каждым днем становится все больше. Альсада старается держаться подальше от политики, но когда бесследно исчезает его революционно настроенный брат, профессор Хорхе Родольфо, инспектор не остановится ни перед чем в стремлении его спасти. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ Страна охвачена очередным разрушительным кризисом. В Буэнос-Айресе то и дело происходят уличные беспорядки. Альсада дорабатывает последние месяцы перед выходом на пенсию, по-прежнему стараясь «не высовываться», помня, что именно эта линия поведения спасла многим жизнь. Однажды к нему попадает дело об исчезновении молодой женщины из привилегированной столичной семьи. Его расследование станет для Альсады болезненным напоминанием о его причастности к событиям самого мрачного периода в истории страны и последним шансом покаяться.

ISBN 978-5-00131-522-3

© Диас Э., 2021

© Издательство «Синдбад», 2021

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	22
5	26
6	29
7	32
8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Элоиса Диас

Покаяние

Eloísa Díaz

REPENTANCE

Repentance © by Eloísa Díaz, 2021

By agreement with *Pontas Literary & Film Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

*Посвящается frau Хольц, разглядевшей во мне писателя раньше,
чем я им стала*

*Ni el pasado ha muerto, no está el mañana – ni el ayer – escrito¹.
Антонио Мачадо «Поля Кастилии»*

«Уснул», – сообщает она, переступив порог комнаты.

Не вставая с дивана, он кивает ей на пиво, – холодное как лед. Но не успевает она присесть и взять его, как слышится рев мотора. Приближается автомобиль. Взвизгивают шины. Совсем рядом. Он бросается к окну. Машина цвета «зеленый артишок». По улице летит тот самый «форд-фалькон» из его кошмаров.

Двери авто распахиваются, оттуда выскакивают четверо. Двери захлопываются. Бух. Бух. Бух. Бух. Он оборачивается. Но что тут скажешь? И он опускает взгляд.

Может, они за кем-то еще?

Четверка направляется к его подъезду.

Черт черт черт черт черт.

Один из мужчин поднимает голову. Их взгляды встречаются.

¹ Былое – с нами, будущее – в тумане, ничто еще не внесено в скрижали (*исп.*). Пер. Б. Дубина. *Здесь и далее прим. пер.*

1

2001 год

Среда, 19 декабря, 08:30

В любой другой стране уже давно началась бы война.

Вот только это не другая страна. Это Аргентина. Инспектор Альсада мчался по Авенида Бельграно, не убирая ноги с педали газа. В глазах темнело. Когда он ел в последний раз? А спал, раз уж на то пошло? *Ты уже не мальчик, Хоакин*, – прозвучал у него в голове голос Паулы так отчетливо, словно она сидела в соседнем кресле. Он поправил очки-авиаторы и вздохнул.

Справедливо подмечено. Пора отдохнуть. Не далее как на прошлой неделе его любезно пригласили в отдел кадров, где уведомили о «ситуации». Инспектор все понял по сочувственному взгляду до неприличия вежливой дамы в очках модели «кошачий глаз». И все же заставил ее проговорить это вслух: хотя он имеет законное право выйти на пенсию, полицейский пенсионный фонд в данный момент выполнять свои обязательства не может. То, о чем он мечтал не одно десятилетие, придется отложить. «Совсем не надолго», – без особой уверенности пообещала дама. Конечно, он может оставить свой пост в любое время, торопливо добавила она, но с учетом сегодняшнего климата вряд ли стоит это делать. *Климат! Какое чудесное слово для бури, которая бушует в стране.*

Альсада подался вперед, навалившись на руль. Обычно в эту летнюю пору небосвод становится насыщенно-синим, как лазурит; но сейчас Буэнос-Айрес окутала тоскливая пыльная пелена, окрасив высь в тускло-серый. *С климатом и впрямь не слава богу.* Не небо, а стальная крышка скороварки. У самого горизонта, над беспокойными водами Ла-Платы – «цвета львиной гривы», как писали о них конкистадоры, – горели зеленые огни. Альсада переключился на третью передачу.

С утра все не заладилось. Целую ночь он проворочался, под утро проспал будильник, так что пришлось оперативно выбирать, на что употребить оставшиеся драгоценные минуты: на завтрак или душ. В итоге он не успел ни того ни другого, потому что ввязался в перепалку с женой. Он надеялся утешить себя, надев любимую рубашку – голубую с белым воротником, – но и эта маленькая радость оказалась недоступна: рубашку никто не удосужился погладить. И теперь Альсада сидел за рулем в серой – спонтанно купленной, о чем он пожалел почти сразу, – и готов был поклясться Богом – допусти подобное кошунство сидящий внутри инспектора истовый католик, – что в раскаленном воздухе ткань искрила.

А тут еще и утренний звонок от судмедэксперта. Доктора Петаки Альсада узнал сразу – как забыть голос этого человека? – и, чтобы увильнуть от поездки в морг, попросил сообщить ему все по телефону. Доктор кашлянул.

– Даже не знаю, инспектор. Лучше бы глянуть собственными глазами. – Альсада не ответил, и доктор добавил: – Впрочем, мое дело – помогать *вам*. Могу отправить отчет в участок, если так будет удобнее.

Вот и славно.

И теперь, вместо того чтобы попивать кофе у себя в садике, он спешил в самое ненавистное место во всем Буэнос-Айресе. Точнее, второе в списке самых ненавистных.

Альсада свернул влево, невольно поражаясь ширине проспекта Девятого июля – Авенида Нуэве-де-Хулио. *Поле битвы.* Тонкий слой обыденности смыло с улиц, как пудру, и теперь они кипели, заряженные нервной энергией неизбежной войны. Люди. Куда ни посмотри, повсюду люди. Было видно, кто из них хочет побыстрее шмыгнуть в переулок и скрыться: такие жались к домам, а мимо магазинчиков с опущенными рольставнями, закрывавшими вид на давно опустевшие полки, шли торопливо, не поднимая головы.

Помимо еженедельных протестов матерей, проходящих уже не первый год, в последнее время в городе то и дело возникали стихийные демонстрации: улицы Буэнос-Айреса буквально дышали яростью. И все же сегодняшний день отличался от предыдущих. Но чем, Альсада никак не мог понять.

Он включил радио. Правительство проводит очередное чрезвычайное совещание, чтобы обсудить дальнейшие экономические меры. *Так вот почему полицейские ограничили движение транспорта. Ждут беспорядков.* Сквозь рой автомобилей Альсада видел, как стекаются воедино людские реки. Он понимал: любая попытка сдержать их обречена – как улицы ни перекрывай, вязкая толпа все равно медленно, но верно просочится к Каса-Росада. Стратегии властей люди противопоставили свою: пошли по проезжей части, где контролировать их было труднее, а поймать практически невозможно, особенно тех, кто сообразил не надевать рубашку. Типично городская тактика боя: протестующие перекрывают городские артерии и лишают полицию пространства для маневра, а значит, и преимущества. *Все это не случайно.*

Альсада почесал щетину, оставленную на подбородке в расчете отрастить бороду. В какой момент трагедия стала неизбежной? Он снял очки и потер переносицу. *Сейчас даже сирена не поможет.* Ничего не поделать: он опоздает.

И все-таки – почему революции *не случилось*? С тех пор как президент де ла Руа твердой рукой повел экономику в пропасть, аргентинцы что ни день испытывали на себе все новые грани его некомпетентности: сперва гражданам отрезали доступ к накопительным счетам, потом разразилась бешеная инфляция, так что жизнь подорожала в несколько раз практически за одну ночь, а теперь ограничили снятие наличных с любых счетов – в стране, где расплачиваются преимущественно налом. Народ стоически терпел. Конечно, без погромов продуктовых магазинов и автозаправок не обошлось. Но то были отдельные инциденты в бедных провинциях, далеко от столицы. Паула, глядя на эти кадры в вечерних новостях, говорила: «Господь берет за глотку, но не душит». Удивительно, сколько можно протянуть, если тебе так долго пережимают горло? «Бывало и хуже», – служило единственным утешением, порожденным, вероятно, коллективной памятью о череде военных переворотов. *Неужели именно это удерживает народ от революции? Страх дать армии очередной повод вновь захватить власть?*

Альсада остановился на светофоре. Спешить было ни к чему: все равно тело уже остыло. Слева на переходе инспектор заметил двух мальчишек. Старшему было на вид лет пятнадцать-шестнадцать, а другому, судя по пухлым щекам, вряд ли больше восьми. Черты лица у обоих как под копирку. *Братья.* Мечтатели в футболках с Марадоной. Знакомый типаж: мальчишки, уверенные, что до них никто еще не пытался изменить мир. Не испытывал ярость, не рвался в битву. *Они считают, что смогут в ней победить.* Им навешали лапши на уши седовласые респектабельные мужчины: прочитали проповедь о возможном будущем, а после откинулись в кожаных креслах, отправив наивных мальчишек делать за них грязную работу. Голодных мальчишек, готовых работать за рис, хлеб и фасоль, а иногда – за шоколадный батончик или пачку сигарет.

Молодняк ценился особо – за отсутствие приводов в полицию, а главное, привычки нюхать клей: это означало, что наниматель может на них положиться. Их отправляли с самыми разными «деловыми» поручениями – какими к черту деловыми! – от передачи сообщений до доставки оружия. Но сперва, чтобы подтвердить свою пригодность, следовало пройти инициацию – постоять на углу, наострив уши, и доложить обо всем хоть сколько-нибудь необычном. В такие дни, как сегодня, миссия была и того проще: выяснить, какие улицы кем перекрыты и сколько полицейских выставлено в оцепление.

Эти двое – явные новички. Они еще не научились наблюдать украдкой и слишком уж внимательно следят за группой спецназовцев, высыпавших из полицейской машины по ту сторону улицы. Инспектор заметил, как шевелятся губы старшего мальчика: он считал. *Десять. Их десять.* Альсаде захотелось взвыть. За свою жизнь он много что научился считать: ссоры

с Паулой; сумму в долларах, которую надо растянуть до конца месяца; трупы в морге и на улице; сперва дни, потом недели, а затем месяцы и, наконец, годы, которые его племянник прожил без отца. Но в отличие от других аргентинцев считать полицейских он не привык. Что говорило о нем куда больше, чем сам Альсада готов был признать.

Он посмотрел направо. В обычном полицейском фургоне, припаркованном на углу, четыре ряда сидений; если предположить, что в каждый ряд втиснется по шесть озверевших бойцов, получится двадцать четыре. Однако, если верить сообщениям по Национальному радио, демонстранты собираются во многих районах города одновременно – а значит, полиции придется действовать мелкими группами, такими мелкими, какие не устроят ни одного комиссара. Но не меньше чем по десять человек, и ровно столько их здесь и было.

Что касается спецназовцев, то их число роли не играет, стоит им только опустить викингские забрала своих шлемов и прореветь: «Вперед!» Тогда мальчишек не спасут даже золотистые полоски «Бока Хуниорс» на груди.

Альсада попытался открыть окно, но ручку заело. С трудом выкрутив ее, он сумел опустить стекло только наполовину.

– *¡Hijo!* – он поманил старшего мальчика к машине.

Тот не двинулся с места. *Смышленный парень.*

– Сынок! – повторил Альсада.

Мальчик повернул к нему голову. Он взглянул на инспектора так, будто пытался запомнить его лицо, и в глазах у него полыхнул тот же дерзкий огонь, что и у Хорхе, стоило вступить с ним в спор. Переубедить его было невозможно.

– Отвел бы братика домой, а?

Младший держал в руке мороженое. Роскошь по нынешним временам. *Этот угол для них явно важен.* Альсада оценил перекресток. Светофор долго не переключается на зеленый, можно без труда перегруппироваться под прикрытием толпы. Расставить живые фигуры на этой шахматной доске.

Старший, и глазом не моргнув, ответил:

– Пошел в жопу, старый хрен.

Лучший способ привлечь к себе внимание. С Альсадой им это удалось. Старшему и впрямь лет шестнадцать, вызывающий взгляд не вяжется с хилым телом, над которым наверняка потешаются сверстники. *А ведь он сейчас должен быть в школе. Вот что значит старость: революционеры пробуждают в тебе сочувствие.* Чтобы выглядеть внушительнее, мальчик выкатил грудь, точно голубь.левой рукой он обнимал брата за плечи – точь-в-точь две выдры, которые держатся лапками, чтобы их не разлучило течением; а правой, небрежно опущенной вдоль тела, бледной, мстительной, решительной, сжимал булыжник. *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.* Альсада улыбнулся собственным мыслям.

Погодите-ка, булыжник? Он явно для отвода глаз... *Да, так и есть.* Не слишком замаскированный бугор у пояса его широких джинсов. *В задний карман надо было прятать, придурок.* Фильмов он насмотрелся, что ли? *Так вот почему ты стоишь как вкопанный – уронить боишься.*

Каких-нибудь двадцать лет назад Альсада не стал бы мешкать ни секунды. Выскочил бы из машины, самонадеянно оставив ключи в замке зажигания, расшиб мальцу череп о фонарный столб, конфисковал оружие и уехал. Мороженое растеклось бы лужей по асфальту.

Светофор зажегся зеленым.

2

2001 год

Среда, 19 декабря, 09:05

– Да это же знаменитый инспектор Альсада! – объявил судмедэксперт, вскинув руки в претенциозном жесте шпрыхсталмейстера. Вот только вместо алого фрака, украшенного золотыми пуговицами, он был одет в белый медицинский халат с обтрепанными манжетами и надписью «доктор Э. М. Петакки», вышитой на нагрудном кармане. *Наверное, матушка постаралась.* Под халатом виднелся деловой костюм и черная бабочка.

Альсада пожал Петакки руку и направился было к входу в здание, но судебный медик крепко ухватил его за плечо – с поразительной силой и в то же время теплотой. Альсада снял свои «авиаторы» и улыбнулся.

– *Вы-то* тут что забыли? – полюбопытствовал Петакки.

– Я не обижаюсь, Элиас, – ответил Альсада. Он сошел со ступеньки, чтобы вновь оказаться вровень с собеседником, и стоял на тротуаре, от которого с годами мало что осталось из-за нелепой градостроительной политики и пешеходной нагрузки. – Разве не *вы* меня сюда вызвали?

– Да я не о том: просто очень уж удивился, когда позвонил в участок, а мне посоветовали связаться с вами напрямую. Кажется, давненько вы в морг не захаживали, а?

– Да, с тех самых пор, как меня перевели на ограбления.

– Получается... лет двадцать уже?

Альсада ответил не сразу. *Будто я не помню точную дату.*

– Да, около того. Но сегодня, похоже, аврал. Если бы не революция, я так бы и сидел в кабинете. А вы как? Работы небось невпроворот?

– Затишье перед бурей. Ночью все изменится...

Альсада кашлянул. *Даже светская беседа с этим типом получается зловецей.*

Тарахтенье над головой заставило инспектора поднять взгляд. Старое здание мединститута. Несмотря на впечатляющую высоту, ему недоставало величия: создатели смешали пышность итальянского Возрождения с суховатой строгостью немецкой школы. В результате получился гибрид во вкусе барона Османа. *На какой-нибудь парижской улочке это здание никому бы не бросилось в глаза.* В отличие от жакаранды, цветущей у самого входа.

– А как ваш племянник, инспектор?

– Соролья? – Вопрос о семье застал Альсаду врасплах. – Неплохо, неплохо, – рассеянно ответил он.

– Он вроде увлекается шахматами? Еще не поставил вам мат?

Альсада окинул доктора взглядом. *Не угрожает.* Расслабился.

– Разве что в мечтах.

Чего они ждут? Чем раньше начнут, тем быстрее все это закончится.

И тут, словно в ответ на его вопрос, из-за угла появился Эстратико, молодой помощник комиссара полиции, и пружинистым шагом направился к ним.

Отлично. Ему, разумеется, тоже позвонили. И чему он, черт побери, так радуется? Видимо, комиссар Галанте решил, что его, Альсаду, уже и в морг пускать одного нельзя. *Может, у меня и неважно с субординацией, но нюх я пока не потерял.*

– Доброе утро. Орестес Эстратико, – представился полицейский, протянув руку медику. Тот с чувством ее пожал. *Вообще-то положено сообщать звание.*

– Ясно, – сухо ответил Альсада.

– Ну что ж, все в сборе! Отлично. Куда идти, вы знаете, – сказал Петакки. – Хочу вам кое-что показать.

– Кое-кого, Элиас. Кое-кого.

– Ну разумеется. Я так и сказал.

Они шли по коридору, выложенному плиткой от пола до потолка. Тот, кто занимался внутренним обустройством этого помещения, явно позабыл, что в морге бывают и гражданские. Тут все напоминало ветеринарную клинику. Пахло хлоркой. *Горячая вода и отбеливатель*. Запах буквально въедался в мозг, пока они шагали в полумраке следом за Петакки, чьи каблуки гулко стучали по кафелю. Сначала они свернули влево, потом вправо, и снова вправо. Минуты шли. Альсада подумал, что если задержаться тут подольше, то разучишься ощущать любые другие запахи.

Барбекю. Спелой дыни. Затылка Паулы.

Петакки распахнул двустворчатые двери с круглыми окошками, выпуская спутников в свои владения.

– Подойдите поближе, инспектор. Вы же не хотите упустить какую-нибудь деталь, – велел доктор, и его голос эхом отразился от кафеля.

Петакки был в своей стихии и явно упивался происходящим. Лет сорока пяти, волосы – угольно-черные, с явным избытком геля. Взгляд, точно у любопытной птицы, если и задерживался на предметах или людях, то секунды на две, не дольше. Тогда Петакки склонял голову набок и щурился за толстыми линзами своих очков. *Удивительно, как он воодушевился, стоило нам ступить в это царство мертвых.*

От одной мысли о том, что предстояло увидеть, скрутило живот. В поисках какой-нибудь посуды Альсада окинул помещение взглядом. Плитка, плитка, плитка, еще плитка, а в центре, точно ослепительный трон – *жертвенный алтарь*, – прозекторский стол размером с двухспальную кровать, залитый электрическим светом. По соседству – металлическая тележка, на которой судмедэксперт честно выложил все свои инструменты; скользнув по ним взглядом, Альсада отметил большие ножницы, гинекологическое зеркало, долото, зажим, какой-то жутковатый компас, набор скальпелей и иглу. Стало быть, Петакки хватило времени и благородства защитить тело и привести его в божеский вид, – либо он только собирался этим заняться, а значит, в лежащем на столе перед ними теле все еще зияет глубокая рана.

В самом углу Альсада заметил металлическую урну. Этого хватит. *Должно хватить*. Он снова посмотрел на стол. Тело было прикрыто белой простыней. *Это до чего надо было дойти, чтобы в итоге тебя нашли в мусорном контейнере за муниципальным моргом?* Он старался воздержаться от осуждения, но не смог. Петакки приподнял край простыни и осторожно отвернул, обнажив голову женщины и острые ключицы. К горлу Альсады мгновенно подкатила тошнота.

– Как видите, красотка, – заметил судмедэксперт. *Что, черт побери, с тобой не так?*

Альсада нащупал в кармане шелковый носовой платок. И порадовался, что не успел съесть свой завтрак, круассан с дутьсе-де-лече: иначе содержимое желудка напоминало бы рагу из школьной столовой. Но к счастью, сегодня если его и вырвет, то только желчью.

Хрипловатый голос Петакки вернул его к реальности. Доктор излагал свои выводы с той горячностью, с какой прилежный школьник спрягает у доски латинские глаголы.

– Женщина, белая. Возраст – около тридцати. Сто шестьдесят пять сантиметров. Шестидесят восемь килограммов. Никаких документов и личных вещей. – *Что, даже одежды не было?* – Как я уже упоминал в телефонном разговоре, инспектор, – продолжал медик, уже обычным тоном, – это ее нашли сегодня утром.

– А известно, как ее нашли? – спросил Эстратико.

На нем был наглаженный дешевый костюм – должно быть, единственный в его гардеробе – и мятая рубашка. Усмирить свои светлые кудри гелем ему явно не удалось, и они торчали во все стороны, – впрочем, отметил про себя Альсада, парню это шло.

– Любопытный вопрос, потому что...

– Элиас. – Инспектор Альсада не любил беспочвенных умозаключений, даже о живых, а тем более о мертвых. Он считал их одной из самых вредных привычек. Его голос неожиданно громко отдался от стен прозекторской. – Ваш рассказ о том, как ее извлекли из мусорного бака, имеет хоть какое-нибудь значение для дела?

– Нет, но... История необычная. Пожалуй, первый в моей практике случай, когда труп в прямом смысле слова выкинули на помойку...

Мы и не такое видывали.

– Мало того, прямо за моргом... – продолжил Петакки. – Если вам интересно мое мнение...

– Не очень, – признался Альсада. – Послушайте, инспектор тут я. А вы – судебно-медицинский эксперт. Мы оба по-своему специалисты, согласны?

Петакки почтительно кивнул.

– Так вот, как инспектор, я бы вам порекомендовал не начинать с обобщений. Пока рано. Расскажите, что именно вы обнаружили.

Петакки, прочистив горло, вернулся к своим наблюдениям.

– На теле жертвы найдено множество повреждений. Перелом носовой кости. Гематомы на лице, шее, руках, груди. Несколько сломанных ребер – с обеих сторон. Вывих левой лодыжки. Признаков сексуального насилия нет.

– Что нам это говорит о нападавших, Эстратико? – спросил Альсада, повернувшись к помощнику комиссара. Тот слушал рассказ судмедэксперта точно зачарованный. – Будешь записывать или мне это сделать за тебя?

– Сейчас-сейчас. – Эстратико выхватил из кармана блокнот. – Что же до вашего вопроса... Может, преступники спешили?

– Да брось. – Инспектор отмахнулся от этой версии. – На все это требуется немало времени. Вы со мной согласны, Элиас?

Эксперт снова кивнул.

– Так вот, из слов доктора Петакки мы можем заключить, что налицо противоречие. Видишь ли, с одной стороны, у нас есть основания полагать, что злоумышленники изначально намеревались убить жертву, а с другой, что эти суки – извините, Элиас, – отчего-то выказали ей некоторое уважение. С какой стати?

Приказ. У них был приказ.

Эстратико лихорадочно конспектировал.

– Многовато для одной жертвы. – Альсада наконец рассмотрел женщину. *Да еще такой миниатюрной.* Здесь, на столе в прозекторской, она казалась безмятежной, словно отдохнувшей. Лицо очень белое, очень нежное. И правда красавица. *И наверняка отчаянно сопротивлялась.*

– Также на теле множество ушибов, все посмертные, – продолжал Петакки.

– Посмертные? Ее продолжили избивать, когда она умерла? – уточнил Эстратико.

– Нет-нет. – Судмедэксперт энергично замотал головой. – Тут другое. Скорее всего, последствия того, что ее забросили в бак. Уже после смерти.

– Почему вы так считаете?

Должно быть, Эстратико впервые попал в морг: точь-в-точь школьник-ботан в музее естественной истории. *Если уж приспичило приставлять ко мне няньку, так хоть бы выбрали толковую!*

Петакки глазами попросил у инспектора разрешение дать ответ. *Почему бы и нет.*

– У живого человека процесс кровообращения непрерывен. Это общеизвестно. Идем дальше. Повреждения мягких тканей бывают двух типов. Первый – открытые: рваные, колотые, резаные раны разных размеров. Если при таком повреждении задеты сосуды, открывается *наружное* кровотечение. Второй тип – это закрытые повреждения. Это то, что мы называ-

ваем ударом тупым предметом, – когда сосуды лопаются, но кровь не может вытечь наружу. В результате появляются гематомы. В нашем же случае на некоторых участках тела – а именно на верхней части бедер, на локтях и пояснице – я обнаружил кожные повреждения без признаков гематом. Из чего я, вернее, мы можем сделать вывод, что в момент нанесения этих травм кровь по сосудам уже не циркулировала. То есть жертва была мертва. Расположение повреждений говорит о том, что с телом обращались неаккуратно – поверьте мне на слово, чтобы понаставить ушибов на трупе, это надо постараться.

– Вот как. – Альсада сглотнул. – Подытожим: во-первых, ее убили. В каком-то тихом месте, где убийцы могли не торопиться. А потом от тела избавились, причем, по всей видимости, поспешно.

– Может, тут действовали две разные группировки? – предположил Эстратико. *Серьезно? Неужели он и впрямь настолько туп? Хоакин, держи себя в руках.*

– Скорее что-то случилось. Что-то такое, что вынудило их изменить планы и избавиться от тела как можно скорее. Помойка мало похожа на кладбище, но это было первое место, которое встретилось преступникам. – Альсада обвел взглядом помещение. Непрístupный каземат! *Тихо, будто в аквариуме.* Но на улицах уже назревает буря. – Они наверняка рассчитывали, что их никто не заметит. В этом районе здания в основном правительственные.

– Когда я выхожу с работы, на улице обычно уже пусто, – подтвердил Петакки.

– Ну вот, видишь! – Альсада кивнул Эстратико, привлекая его внимание. – Они не думали, что демонстранты не разойдутся до самой ночи. Даже правительство этого не ожидало. То есть они выполняют свою работу. Профессионально. Методично. Первую часть завершили успешно. И тут вдруг появились зрители. Убийцы испугались. Изменили план. Увидели помойку. Выбросили тело. Кстати, давно она...

– Сейчас посмотрим. – Петакки взглянул на наручные часы. – Сейчас девять двадцать. Синюшность кожных покровов выражена недостаточно, но тело уже остыло до комнатной температуры...

Альсада подавил рвотный позыв.

– ... Я бы предположил, что до полуночи. Но точно после обеда... – *Пожалуйста, только не надо объяснять, откуда такие выводы.*

– Причина смерти? – перебил Альсада.

Если Петакки продолжит развивать эту тему, его точно вывернет. А блевать на глазах у салаги совсем не хотелось. Он сделал доктору знак прикрыть тело.

– Сквозное ранение, повреждена затылочная кость.

– Переведите. – Альсада многозначительно кивнул на Эстратико. Тот оторвал взгляд от блокнота.

– Ни к чему. Я знаю, что это значит, – сообщил помощник комиссара. – То есть ей выстрелили в голову, правильно?

– Причем почти в упор, – с легким раздражением уточнил Петакки и все-таки продолжил: – Пуля вошла в затылок. – *Точно заказуха.*

– Всего одна? – переспросил Эстратико.

– В общей сложности три. И с очень близкого расстояния – не более двадцати сантиметров. И все же мы говорим «ранение», в единственном числе, потому что второго и третьего выстрела жертва уже не заметила.

– Казнь? – предположил Эстратико.

– Возможно... – осторожно произнес Петакки.

– Калибр? – вклинился Альсада.

– Я извлек пули. Все три – из одного оружия. Девять миллиметров. Стандарт.

– Прекрасно. – Эстратико вздохнул. – Полгорода в списке подозреваемых!

– Можете смело из него вычеркнуть всех, кто не был с ней знаком, – тихо произнес Петакки.

– Что-что, Элиас? – с интересом переспросил Альсада.

– Можно уверенно утверждать, что речь не идет ни о несчастном случае, ни об ограблении, которое пошло не по плану, ни о детях, игравших с пистолетом. Кто-то очень, *очень* хотел ее убрать. Я, разумеется, уже взял образцы тканей, но готов согласиться, что преступники совершенно не спешили, – продолжал судмедэксперт. – Напротив: раз уж они поставили перед собой настолько серьезную задачу, то потом, скорее всего, не пожалели времени на то, чтобы замести следы. Иными словами, я не удивлюсь, если ничего подозрительного мы так и не обнаружим – ни на теле, ни в мусорном баке. А еще у жертвы есть особая примета...

– Примета? – оживился Эстратико.

– Точнее сказать, две – и это татуировки. Две одинаковые ласточки, по одной на каждом бедре, повернутые друг к дружке. Черные чернила. Судя по состоянию изображений, их нанесли примерно четыре года назад. Поможет ли это опознать жертву?

– Почему голова цела? – выпалил Эстратико.

Альсада поморщился. *А ведь правда.* Не было видно ни огнестрельной раны, ни следов недавнего вмешательства Петакки, который доставал пули. *Не для этого ли ему потребовался компас?*

Судмедэксперт поглядел на Альсаду и улыбнулся:

– Какой любознательный, а, инспектор...

– Ну что тут скажешь, Элиас? – с напускным смирением произнес Альсада. – Современная молодежь, она такая.

Он заметил, как взгляд Эстратико мечется от одного собеседника к другому. *Удивлен, что мы так запросто болтаем?* «Мы общались в прошлой жизни» – таково было объяснение, которое оба давали при необходимости. Точно сговорившись. Продолжать расспросы никто не осмеливался. Разговоры эти были болезненны для Альсады, а доктора, казалось, смущали.

И все же инспектор замечал, что их скрытность лишь провоцирует любопытство, особенно у молодежи. Сказать по правде, в молодости и его занимало, каким был мир раньше. Не в те далекие времена, когда жили пещерные люди или конкистадоры, оставившие после себя множество артефактов, – нет, как ни странно, эпохи, погребенные в закрытом гробу историографии, выглядели понятнее. Нет, людям куда более любопытными казались недавние годы, когда Альсада с Петакки, еще молодые, познакомились и каким-то образом сдружились. Вот этого молодежь никак не могла взять в толк. И рядом с такими ветеранами ей было не по себе. Потому что в них все еще жило прошлое и, точно кровь, сочилось в настоящее.

– В отличие от кино – а там, если честно, чаще всего показывают сплошную чушь, – заметил судмедэксперт, неодобрительно качая головой, – от выстрела далеко не всегда «срывает башку», выражаясь вашим языком. Все зависит от параметров пули, от расстояния до цели, от угла вхождения и так далее. – Петакки слегка приподнял голову женщины и не спеша повернул набок, показав аккуратную ранку, не больше пуговицы от рубашки. – Нередко бывает, что пуля прошивает мягкие ткани и даже кость, не причинив дополнительных повреждений. – Тем же отточенным движением он вернул голову на место.

– Спасибо, Элиас. Безупречная работа. – *Дотошен, как и всегда.*

– Благодарю. Я позвоню в отдел, как только получу результаты токсикологической экспертизы, и вышлю вам полный набор фотографий и отчеты по отпечаткам пальцев, собранным с мусорного бака, – пусть тоже будут в деле.

Альсада пожал ему руку и торопливо вышел. Он едва расслышал последние слова Петакки:

– Хорошего вам дня, инспектор.

Эстратико шагал следом, едва поспевая за ним. Тут было спокойно, но гул толпы с ближних улиц доносился и сюда. *На запад. К Каса-Росада.* Как вообще можно всерьез воспринимать страну, глава которой заседает в розовом доме, причем это название – официальное?

– Эстратико.

– Слушаю, инспектор!

Альсада услышал в голосе помощника комиссара напряжение, но оглядываться не стал.

– У меня кое-какие дела. – *Перво-наперво, кофе. А расследование может и подождать.* – Доберешься до отдела один?

– Разумеется, инспектор.

Эстратико исчез так же незаметно, как появился. Альсада огляделся, раздумывая, куда пойти. *Черт.* Новые туфли угодили в темную лужу. *Не дождевую.* А впрочем, пусть испачканная обувь будет его единственной проблемой...

3

2001 год

Среда, 19 декабря, 10:00

Едва Альсада добрался до участка, как начался дождь. И не просто дождь, а непрерывная, почти неосязаемая изморось, пробирающая до костей. Инспектор зашел внутрь. Бывшая приемная с полированным столом красного дерева и симпатичной секретаршей, которая зачесывала волосы на манер Эвиты, пала жертвой экономической рецессии, заставившей Федеральную полицию Аргентины урезать расходы. Верхние этажи пришлось сдать модному иностранному рекламному агентству, а приемную переделать в опен-спейс, в котором сидели теперь молодые полицейские вроде Эстратико. Тесное помещение, выкрашенное в сомнительный горчичный цвет, плотно, как в *театре*, заполняли фанерные столы, неудобные шаткие стулья, темпераментная кофемашина и главная достопримечательность участка – знакомый каждому возмутителю спокойствия в районе Монсеррат зеленый диван. Его обивка из искусственного бархата одинаково радушно встречала и полицейских в штатском, и задержанных, ожидающих оформления, оделяя всех без разбору застарелым запахом табака и кофе. За тридцать лет службы он почти выцвел и покрылся желтоватыми проплешинами, как травяная лужайка под конец засушливого лета.

Сегодня – как и почти каждое утро – на нем восседала Долорес, в очередной раз потребовавшая покой respectable района. Было ей тридцать семь, выглядела она лет на десять старше, но до сих пор не могла взять в толк, отчего клиенты, уверявшие ее во время частных свиданий в своей безграничной любви, при следующей встрече делали вид, будто и вовсе с ней незнакомы, особенно во время воскресной прогулки с семьей. «С другой семьей», настаивала она. Ее логика забавляла инспектора Альсаду.

– Доброе утро, Долорес.

– Доброе утро, инспектор. – Похоже, Долорес провела эту ночь на диване. Она куталась в одеяло, вокруг глаз размазались пятна подводки и туши.

– Жду не дожусь того утра, когда тебя тут не встречу, – заметил Альсада, проходя мимо.

– А я-то как его жду, инспектор.

– Если парни будут тянуть с твоими бумагами, дай знать. Я в курсе, что им нравится твое общество, но тебе давно пора домой. Особенно сегодня, когда в городе такое творится.

– Спасибо, инспектор. – Долорес не упускала ни единой возможности упомянуть его должность – безупречная смесь благоговения и добродушной насмешки.

– Эстратико! – крикнул он.

Из-за боковой двери высунулась белокурая голова. Помощник комиссара, к ужасу Альсады, успел снять пиджак, – *какая наглость!* – выставив на всеобщее обозрение рубашку на пуговицах и с коротким рукавом.

– Можете звать меня Орестес, сеньор. В конце концов, мы же с вами теперь в паре.

– Эстратико, пару я себе уже отыскал и, поверь мне на слово, менять не планирую. – Альсада огляделся. Ему вдруг стало не по себе... *Как будто сегодня воскресенье.* – А где все? Их в город отправили?

– На усиление, – подтвердил Эстратико. – Армия и полиция, семьдесят пять тысяч человек. Беспрецедентные меры.

Да нет, прецедент уже был, только закончилось все скверно. В прошлый раз, когда военные вышли на улицы, количество жертв исчислялось тысячами.

– А нас, значит, оставили? – хмыкнул Альсада. – Я-то, понятно, уже не гожусь для таких подвигов, но ты! Не рановато ли в штабе отсиживаться на заре-то карьеры?

Эстратико натянуто улыбнулся.

Приятно иногда вывести подчиненного из равновесия. Но хорошенького понемножку.

– Ну ладно. Сегодня без переключки... Из морга новости есть?

– Пока нет, инспектор. Ничего, кроме того неопознанного трупа.

– Ключевое слово – «пока», – проворчал Альсада.

– Правда, тут пришла одна парочка и желает с вами поговорить.

– Со мной? – Альсада разочарованно уронил руки. – Они назвали мое имя? Уверен, что им нужен именно я?

– Лично вас они не упоминали. – *Вот это уже больше похоже на правду.* – Сказали только, что хотят поговорить с самым главным в участке. Сами понимаете... – Помощник комиссара демонстративно кашлянул. – Сейчас всего десять утра... а значит, самый главный – это вы.

– И что же им нужно? – спросил Альсада, оставив без внимания намек Эстратико на нарушение трудовой дисциплины комиссаром.

– Они не сказали. Я отвел их к вам в кабинет.

Он и так потерял сегодня немало времени, пока искал после морга, где припарковать свой заляпанный грязью «клио». Не то чтобы у него было много дел: без опознания трупа, токсикологической экспертизы и отчета о месте преступления оставалось только ждать, пока кто-нибудь заявит об исчезновении женщины со схожими приметам.

Инструкции на сегодня ясны. У комиссара это называлось «в порядке экономии усилий» – иначе говоря, все дела, кроме срочных, следовало отложить. Но даже будь у него время разбираться с этими посетителями, они все равно сумасшедшие – отправиться в полицию в такой день!

– Идем со мной, вместе с ними потолкуем.

– Доброе утро! – приветствовал Альсада посетителей с порога кабинета.

Пара что-то пробормотала в ответ.

В кабинете, устроенном в дальнем от входа углу, инспектор мог одновременно и разбираться с этими двумя задачами, испортившими ему начало дня, и наблюдать за жизнью офиса: в большое окно, забранное желтоватым стеклом, все было видно, при том что закрытая дверь защищала его от грохота клавиатуры под пальцами молодых полицейских, от болтовни на темы, которые ни капли его не интересовали, и от грубых шуток. *Последняя милость от Галанте. А не то сидел бы среди секретарей, ей-богу.*

В углу кабинета на шатком круглом столике громоздились штабеля документов, ожидающих разбора. За ним обычно сидел кто-нибудь из младших сотрудников, которых по очереди приставляли к Альсаде. Впрочем, инспектор прекрасно понимал: молодых полицейских отправляют к нему вовсе не из любезности, их истинная миссия отнюдь не в том, чтобы ему помочь, как уверял Галанте, а в том, чтобы докладывать о выходках непредсказуемого Альсады – желательно загодя. В этом смысле Эстратико был всего лишь очередным фаворитом комиссара. *Неужели он думает, что мне не совладать с его шестеркой?*

Из-за хаоса, воцарившегося в стране, стол инспектора совсем некстати оказался завален мерзотными делами, которые по идее не должны были туда попасть. Альсада искал эпитет поэлегантнее, что-нибудь латинское, но «мерзотный» был оптимальным. Мерзость. Иначе не скажешь, когда приходится тратить время на поиски логичного объяснения, как труп оказался в мусорном баке на задворках морга. Мерзость. В нормальной ситуации человеку из отдела краж ни за что не пришлось бы разбираться с неопознанным трупом. Но когда в этом округе в последний раз ситуация была нормальной? А в Буэнос-Айресе?

Альсада хотел повесить зонтик на вешалку, но замер.

– Это чей пиджак? – спросил он.

Ни один из штатских не проронил ни звука.

– Мой, – пробормотал Эстратико.

– Ну кто так вешает верхнюю одежду? Сам не видишь? – Альсада схватил серый пиджак. – Надо на плечики. Вот так. – Он показал, как нужно. – А то у тебя на нем горб появится.

– Понял вас.

Инспектор Альсада аккуратно обогнул свой стол, стараясь не задеть стену с давно уже лупящейся краской, уселся в кресло и потер руки:

– Что ж, приступим.

Он посмотрел на посетителей. Пара сидела неподвижно, точно отлитая из свинца, и в наступившей тишине шум настольного вентилятора казался даже приятным.

– Инспектор Альсада. А это помощник комиссара Эстратико. – Он кивнул на другой столик, за которым устроился молодой коллега. – Он будет мне помогать. Один из самых перспективных наших сотрудников, к вашему сведению.

Краем глаза он заметил, как Эстратико горделиво расправил плечи. *Купился, придурок, принял за чистую монету. Штатских – даже если они сами явились – для начала нужно успокоить.* Сколько раз Альсада видел, как люди приходят в полицию с горячим желанием помочь, а потом немеют, сидя в кресле перед дежурным, точно в какой-то миг, после того как им дружески кивнул охранник Базилио, наконец сообразили, куда попали. *Точно их змея жарарака ужалила.*

– Чем могу вам помочь?

Мужчина походил на инженера – существует такой типаж, независимо от профессии: очки в черепаховой оправе с мощными диоптриями, клетчатая рубашка, свитер, несмотря на жару, и бордовая бабочка, под цвет клетки на рубашке и свитере. Наряд его спутницы был подобран тон в тон: кремовый кардиган и бордовое платье в полоску. *Учительница.* Вдвоем они смотрелись идеально.

– Пропала моя сестра, – произнесла женщина. С места в карьер. Без предисловий. Без сорока наводящих вопросов. *Сразу к делу. А она мне нравится!* Теперь, когда она молчала, он видел: нижняя губа у нее дрожит.

Альсада полез в стол и, сдвинув в сторону флягу, достал бумагу и ручку. Как изменились времена. Еще двадцать лет назад подобное было бы немислимо – заявиться в отделение, потребовать встречи с главным и сообщить о пропаже человека! Тогда полиция и военные, ответственные за исчезновение людей, были в молчаливом сговоре на этот счет. *Нет, «немислимо» не то слово: безрассудно, опасно, губительно.* И вот теперь перед ним сидит пара и рассказывает о пропаже сестры – открыто, без всякого страха. В том же самом здании, где располагалось так называемое Главное управление федеральной координации. Где исчезали люди. Горожане так его боялись, что обходили стороной весь квартал.

– Когда вы ее видели в последний раз? – *А как сложились бы наши жизни, сумеет ли мы тоже подать жалобу? Попадись нам добросовестный полицейский, который задал бы правильный вопрос?* Альсада спохватился, не дрожит ли губа и у него.

– В эти выходные. Кажется, в субботу.

Не закатить глаза инспектору стоило огромного труда. Не хотелось задеть собеседницу. Отпугнуть ее. Но и говорить, что шанс отыскать ее сестру живой, скорее всего, упущен, тоже не хотелось. *В таком хаосе, да еще спустя пять дней...* Альсада поднял взгляд на офис за стеклом. *Неужели больше никому нельзя перепоручить это дело?* Помещение выглядело гнетуще: одинокая рождественская елка у входа, два полицейских за столами. *Констебли – рядовым такое не потянуть.*

Альсада старательно изображал интерес, но женщина явно что-то почувствовала и снова попыталась завладеть его вниманием:

– Но потом мы говорили по телефону.

– Когда?

– Вчера вечером.

Альсада поднял брови и выпустил ручку из пальцев.

– Сеньора, вы должны понимать, что ставите нас в весьма неловкое положение. Если ваша сестра действительно общалась с вами только вчера, то, в соответствии с нашей должностной инструкцией, мы пока не можем считать ее пропавшей без вести. Мы не можем...

– Я прекрасно понимаю, инспектор, – перебила женщина.

Альсада демонстративно посмотрел на часы:

– Еще и суток не прошло. А когда речь о совершеннолетних, мы должны выждать не менее двадцати четырех часов с тех пор, как человек в последний раз выходил на связь, и только потом...

– Но это в случае, если нет оснований полагать... – с нажимом произнесла женщина, перебив инспектора. *Опять.* – Что исчезновение было насильственным.

– Знаете, мы все же предпочитаем термин «непреднамеренное».

– Ну, разумеется. – *Разрешаете? Вот спасибо.* – Я подробно изучила вопрос.

– Я рад, сеньора. – Он покривил душой. – Тогда вам, должно быть, известно, что мы обычно рассматриваем исчезновение человека не как самостоятельный эпизод, а как составную часть более масштабного преступления. Как симптом более серьезной болезни, так сказать. Люди пропадают – преднамеренно или нет, – но у этого всегда, *всегда* есть причина. Наш обширный опыт показывает, что, если сосредоточиться на ней, вероятность успешных поисков повышается. Ведь как только мы ее уясним, то сможем вычислить маршрут вашей сестры и вернуть ее домой в кратчайшие сроки. Так почему же вы думаете, что ее исчезновение можно назвать...

– Непреднамеренным. – *Умница.* – Видите ли, вчера, когда мы с ней разговаривали, голос у нее был встревоженный.

– Не хочу показаться... Как бы точнее выразиться? *Да, как бы точнее выразиться, Хоакин?* Этого нам недостаточно.

Женщина опустила взгляд, сложила руки на коленях и словно бы напрягла память. Альсада воспользовался заминкой, чтобы повнимательнее ее рассмотреть. Легко было представить, какой она была лет пятнадцать назад – образцовая студентка, всегда в первом ряду, безупречная осанка, «отлично» по всем предметам. *К таким людям особенно тянет в тяжелые времена.* Так почему же она никак не может четко и последовательно изложить суть дела? Что-то тут не вязалось, но что, Альсада никак не мог понять.

– Расскажите нам о своей сестре, – мягко предложил он.

– Она замечательная.

– Я о другом. Давайте начнем с имени.

– Ее зовут Норма. Норма Элеонора Эчегарай.

Альсада заметил, как взгляд Эстратико тут же оторвался от блокнота.

– А вы, случайно, не из... – начал было инспектор.

Не из семейства самых богатых землевладельцев в стране?

– Вы все правильно поняли.

Черт. Значит, стихнуть все на Эстратико не выйдет – эти-то точно затребуют, чтобы ими занималось начальство.

– И нет, в том доме мы больше не живем, – поспешно добавила женщина. В тоне ее появилась холодность.

– Так он ведь уже давно пустует, разве нет? – спросил инспектор, поймав себя на том, что невольно подыгрывает собеседнице.

Она будто прочла его мысли:

– Простите. Привычка. Меня все об этом спрашивают. Так что вы просили... рассказать о сестре?

– Да. Итак, случалось ли с ней такое прежде? Может, она уже пропадала на пару дней, забыв сообщить, куда собирается?

Женщина покачала головой. Ее супругу весь этот разговор, по всей видимости, уже порядком наскучил, а еще было заметно, что он тоже хочет поучаствовать в беседе, хотя бы и с целью положить ей конец. *Так вот кто мне все расскажет.*

– Ни разу такого не было? – настойчиво переспросил Альсада. – То есть можно с уверенностью сказать, что такие исчезновения совсем не в ее стиле?

– Моя свояченица всегда была... – Супруг заерзал на стуле, и кожаная обивка под ним скрипнула. *Ну же, не томите.* – Сложным человеком.

– Сложным?! – возмущенно переспросила сеньора Эчегарай. – В каком смысле?

Муж прервал ее нетерпеливым жестом. Зрачки у Альсады расширились. Позволь он себе такое в разговоре с Паулой, ему пришлось бы неделю спать в садовом шезлонге, а потом еще умолять, чтобы пустили обратно. А сеньора Эчегарай послушно умолкла.

– Сколько я ее знаю – а мы с женой сыграли свадьбу шесть лет назад, – Норма постоянно попадает в ситуации, когда ей требуется помощь. Не далее как в прошлом месяце нам пришлось выплачивать за нее залог, когда ее задержали с огромным запасом жидкого мыла – она, видите ли, захотела наполнить пеной фонтан на Пласа-Лола-Мора! – Он хохотнул.

До этой секунды Альсада и представить себе не мог, что он способен улыбаться – не то что смеяться.

– Это было забавно. Она вообще забавная девчонка. Что тут поделывать? Это же вовсе не значит, что она попала в беду.

– Факундо, прошу тебя.

Инженер вроде бы говорил дело. Но так, что в иной ситуации Альсада с удовольствием подыскал бы повод его ударить. А сейчас лишь спросил, обращаясь к сеньоре Эчегарай:

– А у вас нет ее фотографии?

– Есть, конечно. – Она проворно достала из кошелька маленький, не больше фото для паспорта, снимок. На нем Норма Эчегарай была запечатлена в мантии и четырехугольной шапочке. – Фото сделано два-три года назад, но она нисколько не изменилась, – пояснила женщина.

А выбор, между прочим, очень удачный. Пускай это и несправедливо, но полиция скорее отложит в сторону убийства, ограбления, изнасилования и драки ради поиска примерной выпускницы Университета Буэнос-Айреса, чем юной тусовщицы с миллионами на счете, и так было всегда. Синяя лента на плече: значит, девушка изучала экономику. Альсада наклонился над снимком.

Это она.

Та же безмятежность, словно на старых фотографиях, обработанных сепией. Откровенная, даже зазывная улыбка.

Неужели она?

Женщина в морге? Девушка на фото была точно такая же бледная, темноволосая и прекрасная. Но таких – пол-Буэнос-Айреса. *Сосредоточься, Хоакин, ты же профи.* У этой девушки совсем иная судьба. Исчезновение она наверняка подстроила, своими средствами, а они немаленькие, и объявится через пару дней без единой царапины. Чтобы потом хвастать перед гостями на вечеринках, к ужасу сестры.

Но не обольщется ли он? У Альсады вдруг закружилась голова.

– Инспектор!

– Да, сеньора.

– Все в порядке?

– Да-да. – Альсада взял себя в руки. – Я вот что хотел обсудить... Ваш супруг, сеньора, высказал весьма логичное предположение.

Сосредоточься.

– К чему бить тревогу? Во всяком случае, *так рано*? Если, как вы говорите, исчезновение никак не может быть розыгрышем или шалостью, не подозреваете ли вы, что здесь имеется финансовый мотив?

Вряд ли. В таком случае семейство Эчегарай уже получило бы письмо от похитителей. *Хороший похититель обычно управляется за сутки.* Альсада невольно вспомнил, как профессор уголовного права объяснял им, насколько похищение сложнее в исполнении, чем прочие преступления. Его тогда поразило, как деловито и сухо Ираола перечисляет проблемы злоумышленника: риск возникновения привязанности к жертве, неспособность принимать трезвые решения, необходимость постоянного контроля и, самое главное, что, когда все закончится, неизбежно останется свидетель.

Сеньора Эчегарай подняла левую бровь:

– Деньги не главное в этой жизни, инспектор. Даже для таких людей, как *мы*.

Она была права: есть пресловутые *мы*, причем Альсада в их число не входит. У них имеется личная охрана и частные детективы. *Но они обратились в полицию.* За десятилетия службы Альсада поневоле усвоил, когда стоит надавить, а когда нет.

– Предположу, что у нее были телохранители.

– Ваше предположение верно, – откликнулась сеньора Эчегарай, по-прежнему натянуто.

– Где они находились?

– Она часто сбегала от них шутки ради, особенно когда...

– Вот я и говорю – забавная девчонка, – встрял супруг.

Альсада пропустил его слова мимо ушей.

– Особенно когда?

– Когда ей хотелось встретиться со своим парнем или еще что-нибудь. Неумехи.

А вот и ответ: своим она не доверяет.

– А сейчас она с кем-нибудь встречается?

– Нет. – Словно почуяв его недоверие, сеньора Эчегарай поспешно добавила: – Она бы мне рассказала.

Вряд ли.

– А особые приметы у нее есть? – выпалил Эстратико. Он успел подобраться к столу – украдкой, как всегда, – и теперь рассматривал фотографию. – Родинки или, может, татуировки?

Да как ты смеешь вообще!

– Нет. Уж *это* точно, – сказала женщина, обернувшись к помощнику комиссара.

Тот побрел к своему столу.

Выходит, предыдущее «нет» было неточным.

– Итак, – заключил Альсада, чтобы не дать ситуации перерасти в эпизод мыльной оперы. – Я готов открыть дело, если у меня будут хотя бы косвенные данные о возможном преступлении. Есть у вас хоть что-то?

– Она сказала: «Я тебе перезвоню».

Да уж, веское основание! Году в 1982-м, вломись к ней среди ночи четверо незнакомцев и утащи неизвестно куда, никто бы такие заявления и рассматривать не стал. Определили бы как несчастный случай и списали в архив.

Муж закатил глаза.

– И пускай мой муж закатывает глаза, – сказала сеньора Эчегарай, даже не взглянув на него, – но мы с Нормой говорили по телефону, и вдруг она прервала беседу. К ней кто-то

пришел. Она пообещала перезвонить. Какой бы она ни была, но если уж скажет *te llamo de vuelta*², то так и сделает. – Сеньора Эчегарай выдержала паузу. – Но звонка не было.

Она нахмурилась. Должно быть, в ее голове проносилось столько мыслей, что за всеми не поспеть. *О, разум, мощнейшее орудие, опаснейшее оружие.* Наверняка сеньора Эчегарай спрашивала себя, могла ли она вчера поступить иначе? Спросить, кто пришел? Не класть трубку, пока сестра открывает дверь? Или перезвонить ей пораньше? Навестить ее в тот же вечер, а не сегодня утром? *Что бы ни выяснилось, ты в любом случае окажешься виновата.* Альсаде этот ход мыслей был прекрасно знаком. *Все равно будешь угрызаться.*

– Трудно объяснить, – наконец проговорила она, уже без вызова в голосе. Потом подавалась вперед и уперлась руками в стол Альсады. Французский маникюр, помолвочное кольцо с бриллиантом, рядом – обручальное, золотое. – Не знаю, есть ли у вас братья или сестры, инспектор, но если да, то знакомо вам это чувство? Тревога за них? Когда ты... просто *знаешь*, что что-то случилось?

Еще как знакомо.

² Я тебе перезвоню (*исп.*).

4

1981 год

Пятница, 4 декабря, 17:30

Они выпили столько, что дело уже шло к вечеру, а обед все не был готов.

Гриль стоял у самого края террасы Хорхе. Хоакин, Паула и Адела сидели у садового столика за пивом и оливками в ожидании, пока *parilla*³ разогреется как следует. За грилем следил Хорхе как главный церемониймейстер, время от времени помахивая на угли фестончатым подолом фартука, напоминавшим платье для фламенко.

– Видите! – Он упер руку в бедро и с чувством взмахнул другой, в которой поблескивали щипцы для гриля. Капельки жира брызнули на плитку террасы. – Жить при диктатуре не *так уж* и плохо!

По пути сюда Хоакин пообещал Пауле, что не станет скандалить и поднимать темы, рискующие испортить всем настроение, – все-таки пятница, до лета всего ничего, а они давненько не виделись. Но слишком уж многие темы приходилось обходить, чтобы сохранить мир в присутствии Хорхе. Хоакин покосился на Паулу – та стиснула бокал с красным вином, – но промолчал.

– А мы боялись, что нас ждет изгнание! – продолжал Хорхе.

Это было пять лет назад – к тому времени уже почти все аргентинские левые покинули насиженные места: кто-то ушел в подполье, кто-то бежал за границу. Хорхе и Адела тогда подумывали перебраться в Рио-де-Жанейро или Париж. От этих воспоминаний по спине Хоакина побежали мурашки, точно от холодного ветра на закате, после того, как весь день нежился на жарком пляже. Брат в итоге решил остаться и биться до конца – чего бы это ни стоило.

– И поглядите на нас сейчас! – Сказать, что Хорхе слегка захмелел, было бы преуменьшением. – Вносим посильный вклад, дарим жизнь новому поколению граждан забытой богом Аргентины! Что за мир мы оставим Соролье!

Адела шикнула на него.

И не потому, что боялась разбудить малыша, понял Хоакин.

– Соседка все никак не уймется?

– По крайней мере, старается выходить из дома одновременно с нами, – ответила Адела.

– Должно быть, считает, что за нами следует приглядывать, – усмехнулся Хорхе.

Но за его усмешкой Хоакин заметил тень страха.

– Хоако, только не начинай...

– Что? Я вообще молчу!

– Зато как смотришь! – Хорхе видел брата насквозь.

– Я вот что думаю... – решила вмешаться Адела. – Паула, а ты мне не pomoжешь вынести овощи? А то такими темпами мы и до Рождества не пообедаем. Хоакин, принести еще баночку «Кильмеса»?

– Да, спасибо.

Как только братья остались наедине, Хоакин встал и подошел к грилю.

– Вечно ты энтранью пережариваешь, – поддел он, попытавшись отнять у брата щипцы.

– А ты так и норовишь подать ее сырой, – парировал Хорхе.

Хоакин отпустил щипцы.

– Ну расскажи, как дела, *hermanito*⁴.

³ Гриль (*исп.*).

⁴ Братишка (*исп.*).

Впрочем, Хоакин прекрасно знал, как они обстоят: угроза ареста миновала, но ничуть не отрезвила Хорхе: имя брата замелькало в таких разговорах, упоминаний в которых никому бы не хотелось. Люди оканчивали свои дни в канаве и за меньшее.

– Неплохо, неплохо. За последнее время мы очень продвинулись.

– В смысле – ваш союз?

– Да, Хоакин, наш союз. – Хорхе проколол мясо, которое в этом не нуждалось.

– Надеюсь, ты не забыл об осторожности? – Хоакин знал: остановить брата невозможно.

Всякий раз, как Хорхе давал слово, что выйдет из игры, его хватало всего на неделю, а потом все начиналось снова. – Держись подальше от *malas compañías*⁵, ладно? – настойчиво проговорил Хоакин. – Может, заляжешь на дно, хоть ненадолго? Во избежание недоразумений. А то как бы хуже не стало.

– «Плохие компании», Хоако? «Недоразумения»? – Хорхе хохотнул. – Ты у нас, смотрю, и заговорил, как они?

– Я не с ними, – возмутился Хоакин.

– Знаю, знаю. Извини, – сказал Хорхе. – Но ведь и мы тоже. Мы не военные отряды Монтонерос. Мы не патрулируем улицы на джипах с пулеметами, чтобы пристрелить какого-нибудь случайного солдата. Мы не закладываем бомбы. Мы – университетские профессора, а не террористы. Может, наши политические взгляды и схожи. Но цель не оправдывает средства. И к вам это тоже относится.

– К нам?!

– Ну признай: иногда ты и впрямь похож на человека, который тоже на все это купился.

– Я просто за порядок, – возразил Хоакин.

Хорхе только фыркнул.

– Ты чего?

– Порядок? Вот, значит, как называется то, что сейчас происходит?

– Послушай, я ведь не говорил, что согласен со всем, что они вытворяют. Но мы ведь с самого начала понимали, что придется идти на какие-то уступки.

В 1976 году первые полосы всех газет сообщили о начале так называемого процесса национальной реорганизации, призванного положить конец разрухе, коррупции и анархии. Ведь главной задачей военного переворота было прекратить необъявленную гражданскую войну, кипевшую в стране. Как искоренить все эти похищения, грабежи, убийства и перестрелки, если не закрутить гайки? И плохо ли, что теперь, отпуская Паулу в центр столицы, можно не бояться очередного взрыва?

– «Уступки»?! Я тебя не узнаю! Где тот Хоакин, что подбивал меня читать Маркса и Галенано? Где тот Хоакин, что познакомил меня с Карлосом Мухикой и давал мне свои книги о революции? Который и *сам* участвовал в движении? Были ведь времена, когда и ты во что-то верил!

– Я повзрослел. И нашел работу. – Хоакин твердо решил, что не станет ссориться с Хорхе. Во всяком случае, до десерта. – Обычную работу, не хуже других.

– Ой ли?

Тишина.

– Ну послушай, Хоако. Может, вначале все так и было, но теперь-то? Когда мы знаем то, что знаем?

Хоакин терпеть не мог, когда его принуждали оправдывать режим, которого он и сам не одобрял. А еще ему совсем не хотелось оправдываться перед Хорхе: он остепенился и нашел приличную работу, почти всегда позволяющую уходить от неприятностей.

– Я во всем этом не участвую, – наконец отчеканил он.

⁵ Плохих компаний (исп.).

– Ну вот, снова заладил. Так почему же мне все равно за тебя тревожно?

– А я как раз хотел тебе сообщить, как я беспокоюсь за *тебя!* – В этом была лишь доля шутки. – В любом случае рад услышать, что ты иногда способен отвлечься от пролетарской революции и вспомнить обо мне, – саркастически усмехнулся Хоакин. – Неужели тебе хватает времени думать не только об освобождении от ига эксплуататоров-капиталистов и о судьбе брата-полицейского, но и о родном сыне?

– Да.

Хоакин уловил едва заметную перемену в выражении лица брата – его фирменная веселость словно погасла.

– У меня всегда за него болит сердце. Я молюсь о том, чтобы он не стал фашистом, как его дядюшка.

– То есть я еще и фашист? – Хоакин изобразил ярость. – Что ж, уже повышение. Как меня раньше называли? Ах да, равнодушным наблюдателем. Ты мне даже книгу на прошлое Рождество подарил – о банальности зла. Этого, как его?.. Стой-ка, я не ослышался? Ты сказал, что *молшишься?* Серьезно?

Хорхе улыбнулся:

– На войне, Хоако, не до шуток.

На войне. Он с трудом мог припомнить разговор, когда их с братом мнения не расходились бы диаметрально. *Вот почему я его избегаю.* В какой-то момент обсуждать с Хорхе политику стало бессмысленно. Да и все остальное тоже: брат обладал поразительным талантом поворачивать дискуссию в удобное для себя русло.

Альсада-младший был кем угодно, только не дураком. Так к чему тогда это упрямство? Военная мощь Монтонерос сошла на нет: членов организации уничтожили, оружие изъяли, финансовые потоки перекрыли. А Хорхе наверняка испытывал давление и изнутри организации. Он оказался одним из немногих, кто не уехал и не исчез, и это обстоятельство наверняка сеяло подозрения в рядах единомышленников. А вдруг им взбредет в голову, будто он – коллаборационист? Случаи, когда кого-нибудь из Монтонерос вдруг начинали считать предателем и расстреливали свои же, не были единичными. *Неужели в этом и состоит искренняя вера?* Хоакин никогда и ни в чем не был так убежден, как Хорхе – в истинности своего «дела».

– И если мы сдадимся, если сдамся я, победят *они*, – продолжал Хорхе.

Ясно. Хоакину все было ясно. Банальная риторика, привычная оборонительная позиция плюс раздражение от необходимости оправдываться перед «ответственным» братом. Но за всем этим сквозило кое-что еще: желание избавиться от некоего бремени. Брат явно *хочет* рассказать ему побольше. Хорхе Родольфо беззвучно разомкнул губы, точно рыба, хватаящая воздух. И добавил, понизив голос:

– Сейчас не время выходить из битвы. Мы еще можем сказать свое слово – я уверен в этом как никогда. Но для этого мне нужно оставаться в гуще событий.

– И неприятностей, – добавил Хоакин.

Лицо брата помрачнело, но потом он усмехнулся:

– Ну, не без этого.

Хоакин хотел лишь одного: чтобы Хорхе пережил эту чертову диктатуру. Он с трудом сдерживал крик. *Скоро мне уже не к кому будет обратиться, чтоб тебя выручить, Хорхе!* Он глубоко вздохнул:

– Послушай, я просто хочу, чтобы ты поступал как осмотрительный человек. Или хотя бы неглупый.

Хорхе вытер перепачканные жиром руки о фартук и обнял брата:

– В этом не сомневайся.

– Пожалуйста, береги себя, – шепнул Хоакин ему на ухо. Слова эти прозвучали как мольба.

- Обязательно. Знаешь, – прошептал брат в ответ, – я ведь это все любя тебе говорю.
- Правда? – насмешливо спросил Хоакин и слегка отстранился, чтобы заглянуть ему в глаза.
- Абсолютная, – подтвердил Хорхе без малейшего сарказма и крепче обнял брата. – Не волнуйся за меня. Мне ничего не грозит.
- Хоакину хотелось в это верить. Отчаянно хотелось.
- А знаешь почему?
- Ну-ка.
- Потому что я выбрал сторону.
- Хоакин взглянул на брата озадаченно.
- Стороны – они есть всюду, Хоако. Не забывай об этом. Что бы ты ни делал.
- Я не... – Хоакин с трудом поспевал за логикой брата.
- Некоторые сражаются на два фронта. Но это рискованно. Слышал выражение «Если вам не нравятся мои принципы, у меня есть другие»? Это Маркс.
- Карл?
- Граучо. – Хорхе поднял брови и улыбнулся: именно это выражение лица не раз спасало его от беды. – Что ж, он очень, очень ошибся: у человека может быть лишь один набор принципов. И их надо придерживаться. И только тогда, *hermano*⁶, можно себя уберечь.

⁶ Брат (*исп.*).

5

2001 год

Среда, 19 декабря, 10:30

Инспектор решил не провожать посетителей до самого выхода: изображать радушного хозяина было некогда. Если они заблудятся, кто-нибудь подскажет им, как выбраться из этого лабиринта коридоров, покрытых безвкусным, мерзко пахнущим ковролином. Однако стоило сеньоре Эчегарай подняться с места, как все трое мужчин тоже вскочили на ноги. Эстратико устремился было следом за супругами, но Альсада остановил его жестом, однако парень так и не сел, пока те не ушли.

– Что ж, – проговорил инспектор, когда они остались наедине. – Предположим – пускай и пока чисто теоретически, – что девушка и впрямь... – Альсада прочистил горло, – пропала. Где она может быть?

– Сеньора Эчегарай упомянула, что ее сестра прервала телефонный разговор, чтобы кого-то впустить. Это было накануне вечером, примерно в девять. – Эстратико пробежал взглядом записи. – А сегодня утром, когда старшая сестра пришла проведать младшую, той дома не оказалось. Получается, у младшей было порядка... пятнадцати часов форы. Отвечая на ваш вопрос, сеньор: она может быть где угодно. Хоть в Париже.

– А еще можно с уверенностью предположить, что сеньора Эчегарай тщательно обыскала квартиру.

Она наверняка вторглась на территорию сестры без малейших колебаний, хотя на такое решаются немногие: большинству не хватает духа ступить на место преступления. И дело вовсе не в страхе обнаружить что-то ужасное – об этом редко кто задумывается. В основном люди боятся наследить, а потом оказаться в числе подозреваемых. Американские телесериалы стали здорово мешать его работе.

– Если бы она что-нибудь обнаружила, наверняка упомянула бы. И так, мы знаем, что в какой-то момент между вчерашним вечером и сегодняшним утром, по своей воле или нет, она покинула квартиру. Адрес у нас есть?

– Кастекс 2640.

Очаровательный, но неброский квартал. Отличный вариант для обеспеченной одинокой женщины, живущей в городе, где ты мгновенно превращаешься в жертву, стоит тебе только хоть как-то продемонстрировать свое богатство.

– А сестра где живет?

– Там же.

– Они что, весь дом купили? – сострил Альсада.

– Если точнее, то квартал, сеньор. Но сейчас, видимо, квартиры пустуют, – заметил Эстратико. – Все, у кого есть деньжата, наверняка отдыхают где-нибудь в Пунте.

В Пунте? Да ладно. Эстратико наверняка и сам пару раз бывал в Пунте в летние месяцы, а может, даже играл в регби с мальчишками Эчегарай. Теперь это звучит *невероятно*. Вот уже три недели, как начали действовать ограничения банковских счетов – отныне с них нельзя снять больше 250 песо в неделю, причем с каждым днем на эти песо можно купить все меньше и меньше. Тем не менее некоторым счастливицам удалось не только основательно затовариться под Рождество, но и сбежать из столичной духоты на райские пляжи. Перед глазами Альсады замелькали врезавшиеся в память кадры из новостей: репортера буквально сметает группа домохозяек, прорвавшихся в местный супермаркет, чтобы раздобыть рис, муку и фасоль. «¡Queremos comer!» – воинственно кричат они. Мы хотим есть! Преступление, порожденное отчаянием.

– Нужно выяснить, сколько у этого здания входов. И не видел ли ее кто-нибудь. Насчет сезона отпусков вы правы, но, может, кто-нибудь из соседей еще не успел уехать? К тому же в этом районе в домах должны быть камеры. И консьерж. Мне надо с ним переговорить.

– Устроим, сеньор. – Эстратико направился было к двери. – А как быть с девушкой, тело которой мы осматривали утром...

– С этим спешки нет, – перебил его Альсада.

Эстратико замер.

– У тебя удивленный вид.

– Что, прямо ничего с этим не делать?

Осторожнее, Эстратико.

– Ты хотел сказать «с ней», я прав? – Альсада глубоко вздохнул. Ему не хотелось ввязываться в перепалку – за это можно было схлопотать от комиссара. – Это довольно распространенная ошибка, особенно если опыта маловато. Я понимаю, к чему ты клонишь, и ты никогда от меня не услышишь, что одни дела важны, а другие – нет. Но нужно помнить: есть такие семьи, которые будут ежечасно названивать и спрашивать о подвижках – как правило, эти же семьи могут похвастаться друзьями в высоких кругах. А есть семьи, которые и звонить не станут, потому что даже не знают, что стряслось. Я хотел бы обойтись без всей этой нервозности и оправдываться за это не намерен.

– Думаете, тут и впрямь дело нечисто?

Ничего себе поворот! Вот же геморрой этот Эстратико! Единственное, что его оправдало в глазах Альсады, – это искренняя увлеченность профессией.

– Надеюсь, нет. Такие женщины...

Паула его бы убила. *Стереотипы, Хоакин, плохи не тем, что они неправильны. А тем, что правильны не до конца.* Но что такое истина в его профессии? Лотерея, не больше.

– Такие женщины любят бурные вечеринки, и, возможно, гулянка потревожила кого-то из соседей или девушку задержали с запрещенными веществами, но позже отпустят под залог, а всю вину на себя возьмет парнишка, с которым она крутила шуры-муры на этой неделе. Возможно – *возможно!* – она *долго* была в завязке и сорвалась или легла делать аборт. Может, ни с того ни с сего уехала отдохнуть, никого не предупредив. Впрочем, не сообщить сестре, которая точно будет волноваться, – не знаю, как тебе, а мне *такой* сценарий кажется неправдоподобным. У тебя есть братья или сестры, Эстратико?

– Нет, сеньор. – Помощник комиссара поспешно сменил тему: – А когда нам показали фотографию, у вас не возникло ощущения, что где-то вы эту девушку уже видели?

Видимо, у кого-то не самые лучшие отношения с родней.

– Эстратико.

– Да, сеньор!

– Не стоит думать, будто я не понимаю, к чему ты ведешь.

– Что, сеньор?

– Сколько людей живет в Буэнос-Айресе?

– Три миллиона? – предположил Эстратико.

– Два миллиона восемьсот тысяч. Но можно и до трех округлить. Как по-твоему, сколько среди них женщин в возрасте двадцати пяти – тридцати пяти лет?

– Тысяч двести?

– Великолепно. Весьма точное предположение. Итак, двести тысяч. Сколько среди них темноволосых и, скажем так, симпатичных?

– Я вас понял, инспектор.

– Что-то сомневаюсь.

– Просто хотелось узнать...

– Само собой, твое замечание было абсолютно невинным. Как и вопрос об особых приметах, помнишь? Включи голову, – Альсада выразительно постучал себя по виску указательным пальцем, – пока в ней не зародились какие-нибудь безумные теории. И пока их никто не услышал. Наследница Эчегарай в мусорном баке. Только этого нам не хватало. Нет уж. Во всяком случае, пока мы не найдем что-то, хотя бы *напоминающее* факт. – Он вдруг поймал себя на том, что изъясняется совсем как комиссар Галанте: – Я рассчитываю на твою осмотрительность. Мы поняли друг друга?

– Да, сеньор. Я просто подумал: вот было бы здорово, если бы женщина, которую мы видели утром, и оказалась той самой пропавшей сестрой.

– Здорово? *Здорово?!* – Альсада задохнулся от возмущения. – Здорово было бы, если бы утро не началось с трупа в мусорном баке! На помойке! «Здорово», ну ты и сказанул!

Эстратико испуганно замер.

– Отправляйся в Кастекс, – рявкнул Альсада. – Видеть тебя не желаю, пока не разыщешь консьержа. А между делом поглядишь на квартиру. С соседями пообщайся и все такое.

– Один? – переспросил помощник комиссара со смесью ужаса и гордости в голосе.

– Да, Эстратико, один. Уверен: ты и без меня справишься – квартира ведь пуста. А когда вернешься, составь мне список всех висяков с неопознанными жертвами по городу – нет, лучше по всему Большому Буэнос-Айресу.

– Но, сеньор, их очень много...

Пора поставить мальчишку на место.

– Именно. И проверь каждый, чтобы убедиться, что жертвой не является Норма...

– Эчегарай? – не утерпел Эстратико.

– Что ты сказал?

– Есть, сеньор.

Так-то лучше.

– И с документами Долорес разберись, ладно? Ей уже давно пора домой. – Тут Альсаду посетила другая мысль: – А заодно попроси ее сегодня не выходить на, хм, работу.

6

1981 год

Суббота, 5 декабря, 00:05

Звонок бежевого телефона на тумбочке Паулы Арангурен вспорол тишину весенней пригородной ночи, будто нож мясника. После пары пронзительных трелей Паула выдернула подушку из-под головы Хоакина и приподнялась на локте. В темноте она не видела лица мужа, но знала, что он рядом, за джунглями черных кудрей, которые он согласился не стричь в угоду своей супруге. Паула демонстративно откашлялась. Телефон зазвонил в третий раз. Тогда она сняла трубку, поднесла к уху и невозмутимо произнесла:

– ¿Dígame?⁷

– И кто это, черт возьми, трезвонит посреди но... – возмутился было Хоакин, сиюсь разглядеть часы в темноте.

Паула шикнула на него, внезапно напрягшись.

Хоакин отвернулся от нее, пытаясь рассмотреть время на будильнике «Касио», стоявшем на его тумбочке. Светящиеся стрелки порой складывались в надменную улыбку Чеширского кота, но не сейчас. Пять минут первого. *После полуночи ничего хорошего не случается* – так говорил отец, объясняя, почему братьям Альсада нельзя гулять допоздна.

– Будет лучше, если трубку возьмешь ты, – строго произнесла Паула, прикрыв динамик рукой.

Тут-то Хоакин все и понял.

Он заметил, как сверкнуло ее обручальное кольцо. Не поднимаясь, потянулся к жене смуглой рукой и схватил телефон. Провод тугой спиралью обвил побледневшие костяшки.

Звонила соседка брата. Даже в этой чрезвычайной ситуации не узнать ее голоса было невозможно. С тех пор как Хорхе Родольфо с женой Аделой поселились на одной площадке с ней, она систематически за ними шпионила. Хоакину вспомнилось, как брат пародировал соседку – изображал, как она, шаркая, бредет по площадке к их двери, а потом возвращается к своей.

Хорхе Родольфо всегда описывал ее тон как самодовольный. Сейчас ее голос звучал мрачно.

– За вашим братом пришли, – сообщила она.

Он был не первым, кому позвонили с подобной вестью. Еще до него многие переживали то же смятение, тот же страх, тот же гнев, то же бессилие. И после него еще не раз будут сыпаться те же вопросы, выкрикиваться те же оскорбления, сдерживаться те же слезы. Много лет спустя волны от всех этих звонков сольются вместе, превратившись в мантру обреченного поколения. Вспыхнут протесты, потянется череда бедствий и испытаний. В эссе и долгих речах люди будут рассуждать о том, что можно было сделать, а чего – нельзя.

Хоакин повесил трубку и сухо объявил:

– Я пошел.

– Нет, – только и смогла произнести Паула, словно пытаясь задержать его и не дать новой реальности ворваться в их жизнь. Она повторила это слово, когда Хоакин выскочил из постели, будто надеялась, что два «нет» защитят эффективнее, чем одно. Она повторила его в третий раз, про себя, когда Хоакин кинулся на кухню, и прошептала его, тихо-тихо, когда он вернулся с уличной обувью в руках.

⁷ Говорите (*исп.*).

Муж был погружен в свой собственный внутренний монолог. С его губ нет-нет да и срывалось какое-нибудь «¡Bastardos!»⁸ или «¡Hijos de puta!»⁹. Одевшись наполовину, он метнулся в коридор.

– Где мой блейзер?

– Блейзер? Лето же, Хоакин!

– Мне надо спрятать пистолет.

Паула глубоко вздохнула, прежде чем ответить:

– Кажется, ты его повесил на стул у двери.

Она слышала, как он беспокойно мечется по коридору, как замедляет шаг и наконец останавливается. Найдя то, что ищет, он всегда успокаивался. В отличие от нее.

– Подойди сюда! – позвала она.

Хоакин тут же возник на пороге спальни. Пауле невольно вспомнился день, когда она впервые обратила на него внимание – тогда он вот так же стоял в дверях университетской аудитории, прислонившись к косяку, за несколько минут до того, как закончилась лекция. Возможно, он ждал совсем другую девушку – этого он ей не рассказывал. Девятнадцатилетний, словно бы уставший от взрослой жизни, поджарая фигура скрыта под бежевым плащом, доходящим до самых лодыжек, длинные пальцы то и дело выцепляют из кармана сигареты, а с губ не сходит улыбка человека, который всегда получает то, чего хочет. С тех пор борода у него поредела, а килограммы прибавились, придав внушительности самому молодому инспектору полиции в Буэнос-Айресе. При виде Паулы в ночной рубашке Хоакин не моргнул и глазом.

Повисло молчание.

Он направился к ящику, где хранил свой вальтер.

– Подожди. – Паула схватила его за руку.

В свое время Пауле пришлось привыкать к тому, что в доме хранится служебное оружие. Она выросла в богатой семье, поднявшейся на металлургии, и хотя питала к закону смутное уважение, однако глубоко презирала тех, кто ему служит. Ей далеко не сразу удалось примириться с мыслью о том, что главенство закона кто-то должен воплощать в жизнь и что один из этих «кто-то» – ее муж.

Но свыкнуться с присутствием дома смертоносной железки оказалось проще, чем она думала. Она видела, как Хоакин с серьезным видом убирает пистолет в кобуру, собираясь на работу, ощущала его тяжесть на бедре мужа во время прощальных поцелуев, облегченно выдыхала каждый вечер, когда он снова запирает оружие в ящик.

– Хоакин, давай еще разок все обдумаем, – попросила она.

Тяжелее было принять то, что этот пистолет означает: несколько версий их будущего. Что однажды Хоакину придется его применить. Или того хуже: что когда-нибудь кто-то наставит такой же пистолет на него самого. Теперь, глядя на мужа в дверях, она понимала, что нет слов, способных его переубедить. Он не сумеет прийти в квартиру брата спокойным, осмотрительным, хладнокровным инспектором, которого она так хорошо знала. Он сметет все на своем пути, если только это поможет вернуть Хорхе.

– Ну придешь ты в квартиру Хорхе Родольфо. А дальше? Ждать тебя никто не будет. Наверняка там никого уже нет.

– Мне некогда разговаривать, – бросил он свысока.

– Мы же недавно от них пришли!

Хоакину напоминание не требовалось: голова все еще гудела от пива и вина.

– А вдруг они уже тогда были там, вдруг следили за квартирой? – продолжала Паула. – Может, и мы теперь угодили в какой-нибудь список!

⁸ Ублюдки! (исп.)

⁹ Сукины дети! (исп.)

Хоакин замер как вкопанный. *Об этом я не подумал. Но полицейского-то они не тронут?* По спине пробежал холодок.

– Не волнуйся.

– Не волнуйся?! Как это не волноваться?! Я только и делаю, что волнуюсь! Сперва за Хорхе переживала, а теперь вот приходится за тебя! Вдруг они все еще в засаде?

– Тем лучше. Хочу их увидеть. В глаза им хочу посмотреть, когда они будут отвечать на мои вопросы. А они *будут*. Я тебе вот что скажу. Если с Хорхе что-нибудь – хоть *что-то*, – случится...

– Хоако, прошу тебя.

Он замолк, вдруг осознав, что и сам боится. Что он *станет* делать, если нарвется на военный отряд? Старенький вальтер на бедре сделался горячий, точно грелка. *Так каков твой план, Хоакин?*

– Позвони Галанте, – сказал он Пауле. – По телефону ничего не рассказывай. Просто скажи, что я его жду у Хорхе.

– А он не станет спрашивать?

– Не станет. Потом соседке. Той самой, которая сейчас звонила. Ее номер должен быть в кожаной телефонной книжке. Она точно сейчас не спит.

Весь дом сейчас не спит.

– Попроси ее включить свет, как только эти убудки уйдут.

– Хорошо.

– В какой квартире она живет?

– На третьем этаже. У твоего брата квартира «В», значит, у нее, наверное, «А».

– Уверена?

– Хоакин, я жена инспектора. А не инспектор.

Хоакин сел рядом с ней на кровать и взял ее ладони в свои.

– Как бы там ни было, пусть включит свет в гостиной, когда там никого уже не будет.

Стоило произнести эти слова вслух, и он явственно ощутил их свинцовую тяжесть. *Когда никого уже не будет.* Эти ребята работают быстро. Когда он доберется до квартиры брата, то никого там не застанет. Все разойдутся. Брата тоже не будет. И Аделы. И мальчишки. Мальчишка! Боль прошла его где-то слева.

– А как же я? – спросила Паула.

– Никуда не уходи, – велел он. И, не дав ей возразить, добавил: – Позвони, куда я прошу. Ну и мало ли что: может, кто-то захочет с нами связаться. Я дам тебе знать, как только доберусь до места. Все будет хорошо. – Интересно, подумал Хоакин, а другим я лгу так же убедительно, как себе?

– Ладно.

Хоакин рассеянно поцеловал ее в щеку и вышел. У самой кухни он взял ключи от машины, лежавшие на терракотовом блюде – этот сувенир привез ему Галанте из Мексики, где проводил медовый месяц. Их дружеские отношения, пусть в последнее время и не безоблачные, не были секретом для коллег. *Может, и не стоит его в это втягивать.* Сейчас Галанте в фаворе у военных, но подобные инциденты могут навлечь на него неприятности. Если его начнут спрашивать, будет лучше, если бывший напарник станет отвечать честно. *Нет. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше.*

Хоакин вернулся в спальню. Паула сидела на том же месте.

– Знаешь, я тут подумал, – сказал он с деланой беспечностью, – не звони Галанте. Не хочу его втравливать в эту историю без крайней нужды.

Паула машинально кивнула.

– И закрой за мной дверь.

И он выскочил из дома, пока жена не заметила, что он плачет.

7

2001 год

Среда, 19 декабря, 11:15

В подвале, где проводили допросы, связь была неважной – на телефоне у Альсады высветилось только две палочки, – и все же он набрал номер Паулы. Послышались долгие гудки, а затем – приветствие автоответчика. Наверное, занята домашними делами и не слышит. Альсада оставил ей сообщение: «Querida¹⁰, это я. Утром так торопился, что совсем забыл кое-что тебе рассказать. Не хотелось тебя беспокоить, но так вышло, что по пути из дома я наткнулся на соседского кота и... – Тут Альсада отвернулся к стене и понизил голос: – Спрятал его у них в саду, в гриле, чтобы он Соролье на глаза не попался. – Инспектор покосился по сторонам. Эстратико все не шел. – Знаю, знаю, что ты скажешь. Можешь перезвонить мне попозже и накричать, если хочешь. Но ты ведь и сама знаешь, что творится с Сорольей, стоит ему только завидеть этого самого кота. Воздуха ему хватит. Я проверил. Сможешь его освободить, пока Тересита не хватилась? Ладно. Спасибо. Люблю тебя. Пока».

Наконец молодой полицейский появился в коридоре.

– Ну и где он? – осведомился Альсада.

– В допросной номер три, – доложил Эстратико.

– Надеюсь, бегать за ним не пришлось? – поинтересовался инспектор, хотя Эстратико, судя по виду, мог обогнать большинство людей на планете, даже не запыхавшись.

– Я застал его в здании – у него смена еще не кончилась, – пояснил помощник комиссара. – Я бы хотел кое-что с вами обсудить, сеньор, пока вы...

– Позже, – отрезал Альсада и хотел уже было открыть дверь с надписью «tres»¹¹, выведенной мелом, но вдруг замер. – А в каком он вообще настроении?

– В Кастексе был спокойным. А когда я последний раз к нему заглядывал, он весь взмок, но сидел тихо.

– Отлично. – Альсада двинулся к двери.

Человек невинный, угодив в допросную, до хрипоты орал бы о собственной невинности. *Во всяком случае, пока не убедишь его в обратном.* А раз консьерж никакого сопротивления не оказал, выходит, не так уж он и чист – во всяком случае, не на сто процентов. *Рыльце в пушку.* Если задержанный взмок, значит, почти дошел – на допросах Альсада предпочитал среднюю степень прожарки.

Эстратико выступил вперед, загородив инспектору путь.

– Эстратико, не надо. Нет у нас сейчас времени на разговоры, – одернул его Альсада.

– Знаю, сеньор. Но дело в том, что его адвокат еще не прибыл.

– О чем ты? – Альсада обвел его внимательным взглядом. Эстратико словно стал выше ростом. Куда девалась его неловкая сутулость! Парень распрямился и смотрел с вызовом. *Глазам своим не верю.*

– Я все сделал, как нас учили, – пояснил он. – С самого начала я был с ним обходителем. Предложил воды. Посидел с ним немного в камере, чтобы получше его изучить. Попытался вызвать у него доверие, понимаете?

Что ж, это объясняет, почему у федералов такие низкие показатели раскрываемости.

– Но стоило мне задать первый вопрос – и он точно язык проглотил. Тогда я позвонил Помаде.

– Что-что?

¹⁰ Дорогая (исп.).

¹¹ Три (исп.).

– Позвонил в службу государственной юридической помощи.

– Эстратико, я в курсе, кто такой Помада. Послушай, у нас *правда* нет на все это времени.

Давно ты ему звонил?

– Но процедура требует...

– Ну заладил! Неужели не видно, что он *виновен*? Его обязанность – это двенадцать часов пилиться на дверь и записывать каждого, кто заходит в здание и покидает его. Вот, по сути, и *вся* его работа. И прошлой ночью он видел, как эта женщина...

– Норма.

– Да, Норма. Спасибо... – Альсада старался не потерять мысль. – Так вот, он видел, как Норма Эчегарай – *возможно*, не по своей воле – выходит из здания, – но и палец о палец ударить не соизволил! Просто сидел и смотрел на дверь, пока ты не приехал. А может, подсчитывал *dolaritos*¹², которые ему всучили, чтобы он в нужный момент отвернулся. Так что, как бы ты ни втирался к нему в доверие, сам он доверия не заслуживает – если только ты мне не собираешься сообщить, что он слепой. Такой будет врать тебе в глаза, пользуясь тем, что ты уважаешь закон. Кстати сказать, с чего ты так всполошился? Я только задам ему парочку вопросов. Помада мне для этого *точно* не нужен.

С математикой-то у всех порядок, особенно у молодежи. Альсада всегда исходил из этого. Он где-то читал, что в Боснии люди сразу же после знакомства прикидывают год твоего рождения – не из праздного любопытства, а чтобы понять, чем ты занимался во время войны. Мог ли по возрасту держать в руках оружие? И если да, на чьей стороне сражался? Даже Эстратико, прямой и честный Эстратико, и тот наверняка уже догадался, где был инспектор в 1970-е, каково было служить в полиции в те дни. Тут не надо быть семи пядей во лбу.

– При всем уважении, сеньор... – произнес Эстратико чуть ли не со стыдом в голосе. – Если мы пойдем на это, станем совсем как *они*.

Овладев собой, Альсада тихо ответил:

– Сынок, ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

О, это молодое, смышленное, основательно подготовленное поколение – до чего же Альсаде хотелось в него поверить. Но их чопорность, честность, их безукоризненное поведение выглядело несколько демонстративным. Пожалуй, непреднамеренно – просто давала о себе знать их полная уверенность в собственной правоте. Эти ребята любили делать заявления о том, что закон един для всех и что все сложилось бы иначе, будь у руля *они*. Уж *они-то* точно ничего подобного не допустили бы.

А на самом деле тот же Эстратико и шагу не смог бы сделать без инструкций. Откуда ему знать, каково это – допрашивать человека, которому нечего терять, или обнаружить зверя в себе самом и стянуть ему пасть намордником. Каково просыпаться от кошмара и понимать, что это вовсе не сон, а воспоминание.

– Понятия не имеешь, – повторил он.

Альсада наклонился вперед и похлопал Эстратико по плечу:

– Ничего с ним не случится. Стой тут и смотри. Учись, как дело делается.

– Доброе утро, сеньор. Я – инспектор Альсада, – произнес он и решительно протянул консьержу ладонь.

Но тот так и остался сидеть на стуле, скрестив руки на груди.

Ладно. Будь по-твоему.

– Как пожелаете. – Альсада придвинул поближе металлический стул, усеянный шрамами от наручников, и сел по другую сторону стола, напротив задержанного.

Тому на вид было лет тридцать. *Точно не из Буэнос-Айреса. Индейские черты, так что, возможно, с севера. Эль-Чако?*

¹² Долларчики (*исп.*).

– Вы новости смотрите? Видели баррикады, протесты? А своими глазами? Я вот сегодня утром по пути на работу проезжал мимо такого. Жуткий хаос, правда? Знаете что...

– Я второму уже говорил. Пока мой адвокат не приедет, я буду молчать.

Ишь ты, помалкивать мозгов хватает, а забрать денежки и скрыться не додумался.

Консьерж положил руки на стол. Большинство людей в такой ситуации не отнимают рук от тела. Некоторые даже ноги скрещивают. А этот держится слишком уж уверенно. *Чересчур спокойный. Видно, уже бывал в камере.*

– Кажется, кто-то меня невнимательно слушает. – Альсада понизил голос. Ему живо представилось, как Эстратико прильнул к двери. – Я тут с тобой не светские беседы вести пришел, дерьма ты кусок. О беспорядках я упомянул лишь по одной причине. Знаешь, сколько времени уйдет у твоего адвоката, чтобы сюда добраться?

Инспектор так и видел, как задержанный считает в уме. Альсада нисколько не сомневался, что в этой арифметической задачке на выживание консьерж не учтет двух важных факторов. Во-первых, время относительно, оно протекает крайне субъективно. *Одна минута. Если ты думаешь, как выжить в пределах минуты, а потом следующей и так далее, еще не все потеряно. А вот если начнешь заглядывать дальше, то песенка твоя спета.* А во-вторых, в допросных Буэнос-Айреса не даром нет окон. В итоге-то, конечно, сюда все же проникли и поставили камер, но по зернистым пленкам мало что поймешь. *Главное – видимых следов не оставлять...* Эстратико наверняка не согласится с его методикой, но доносить на сослуживца не станет. *Себе дорожке.*

Альсада выкатил грудь, поднял плечи до ушей, наклонил вперед голову. Точь-в-точь кот, готовый к прыжку. Он потянулся вперед, схватил правой рукой левую кисть консьержа и с силой притиснул к металлической столешнице. Глаза задержанного расширились.

– Вопрос был риторический. По моим прикидкам... учитывая демонстрации и все остальное... нужно минут тридцать-сорок. И это если он немедля выехал из своей конторы. А теперь *настоящий* вопрос. – Альсада крепче стиснул руку консьержа. – Ты в курсе, сколько пальцев я переломал за свою жизнь?

Тот попытался высвободиться – но тщетно. Вытянул вздувшуюся шею из форменного воротничка и сделал несколько шумных вдохов.

– Я к чему клоню-то? Ты ведь уже в допросных бывал, правда? И знаешь, что в них происходит, – тем временем продолжал инспектор. – Но мы не шибко любим, когда ситуация выходит из-под контроля. Для нас это чревато неприятностями. «Демократия», понимаешь. Поэтому приходится соблюдать приличия. Вот почему в какой-то момент мой начальник запретил мне приходить в эти камеры. Представляешь? – Альсада широко улыбнулся. – Но сегодня тебе повезло: он слишком занят, раздает указания отрядам, которые сдерживают беспорядки, – протестующие ведь уже на подходе к Каса-Росада. Он *понятия не имеет*, что творится в этих стенах. Так что пожалуйста, – Альсада прочистил горло, – не трать мое время понапрасну. Не хочу думать, будто ты нарочно меня раззадориваешь. А не то решу еще, что ты напрашиваешься в комнатку с раковиной... Ты же в курсе, чего я хочу. Возьми ручку и пиши все, что придет в голову.

Консьерж посмотрел на ручку, лежащую на исцарапанной столешнице, а потом на свою левую кисть, побелевшую в пальцах Альсады.

– Я левша, – слабо запротестовал он.

– Знаю, – ответил инспектор, выпустил его руку и сел на свой стул. Он не стал объяснять, что люди в большинстве своем кладут вещи поближе к ведущей руке. стакан воды, принесенный Эстратико, все же пригодился.

Консьерж торопливо схватил ручку и начал писать. *То-то же.* Альсада подался вперед, чтобы лучше рассмотреть. Три буквы и три цифры. Номер машины.

– Это все?

Мужчина кивнул.

– Машина приезжала к дому не впервые, так ведь?

Он снова кивнул.

– И разумеется, вчера вечером, скажем после ужина, ты ничего особенного не видел, да?

Никто не входил, не выходил?

– Ничего необычного, сеньор.

Альсада не решился спросить, что же считается обычным в элитной многоэтажке.

– Что ж, чудесно. А теперь выметайся отсюда. – Инспектор поймал себя на том, что прикидывает возможное будущее консьержа. *С крысами всегда одна и та же история.* По своему опыту он знал, что стукачи открывают рот лишь потому, что считают себя умнее подельников. Думают, будто смогут уйти живыми. *Исключений тут не бывает.* – Может, и нет нужды это говорить, но я скажу. Не дожидайся адвоката. Из отдела иди домой. *Прямиком.* Не заходя в кафе или к кому-нибудь в гости. Никому не рассказывай о своих планах. Собери вещи и отправляйся в приятный долгий отпуск. Уверен, у тебя найдется какой-нибудь двоюродный братец где-нибудь подальше от города, у которого можно будет залечь на дно, пока суд да дело.

– Да, сеньор. У меня родня в Ресистенсии, – подтвердил присмиривший консьерж.

Эль-Чако. Так и знал.

Альсада поднялся, скрежетнув стулом по бетонному полу, и вышел из допросной.

Проходя мимо Эстратико и Помады – *надо же, какой проворный,* – который не решился его расстраивать, Альсада сунул помощнику комиссара лист бумаги.

– Я отбуду на часик. К моему возвращению выясни, кто владелец машины. Причем лично, без этой вашей любезной телефонной трепотни, которую вы так любите, сволочи ленивые. – И добавил, не удостоив Эстратико взглядом: – Чего вытарашился? Тебя не учили, что это невежливо?

– Это правда? – Эстратико поспешил за инспектором вверх по лестнице, машинально взглянув на свою ладонь. – Насчет пальцев.

– Нет. – Альсада обернулся. – Мой профиль – коленные чашечки.

8

2001 год

Среда, 19 декабря, 11:45

В два решительных шага инспектор Альсада пересек улицу и, зайдя в ближайшее кафе, тяжело опустил ладонь на прилавок.

– Un café con leche, por favor¹³.

Кофемашина оглушительно ревела, чайные ложечки постукивали о края нарядных чашек, будто зубы, на вешалках висели новенькие дождевики всех оттенков бежевого, пахло подгоревшим тостом.

Альсада уселся в углу на хромированный барный стул, а на соседний положил плащ. И с улыбкой вспомнил, как однажды Соролья ходил с ним на работу, а потом и в кафе и с каким восторгом племянник рассматривал эту новую, восхитительную вселенную, в которую ему довелось попасть. Первый из множества его вопросов – а Соролья был молчаливым ребенком, кроме тех случаев, когда ему на самом деле стоило бы помолчать, – звучал так: почему стулья приклеены к полу? *Правильный ответ: потому что владельцы кафе боятся, как бы кто-нибудь из клиентов спьяну не использовал стул как оружие.* Но семилетнему мальчику Альсада сообщил, что это чтобы никто их не украл – уж очень красивые. Для Буэнос-Айреса объяснение звучало вполне правдоподобно.

Альсада отпил глоток из стакана Duralex – ему нравилось пить кофе из стеклянной посуды. Он вполне мог бы по примеру многих коллег остаться в отделе, а за кофе отправить кого-нибудь из подчиненных – одна из тех привилегий, которые дает тебе если не звание, то по крайней мере стаж. Но инспектор никогда не одобрял, что младший состав загружают личными поручениями, и в свое время поклялся не делать этого, когда продвинется по службе. Да и потом, пока Эстратико разбирается с номером машины, можно хотя бы полчаса провести в тишине и покое. Не обязательно все время сидеть в кабинете. С ловкостью человека, успешного на своем веку тысячи раз угоститься вкусным кофе, Альсада умело поворачивал стакан кончиками пальцев и ни разу не обжегся.

Menudo día de mierda¹⁴. Бог знает, что его дальше ждет, после такого-то старта. *Даже не думай об этом.* Альсада трижды постучал по деревянной обивке барной стойки. Зато он снова повидался с Петакки. Для его профессии судмедэксперт выглядел весьма неплохо, точно успевал спать по восемь часов. *Как он вообще засыпает, зная то, что знает?*

К соседнему стулу кто-то подошел и отвлек инспектора от раздумий. Мужчина средних лет, с неаккуратным зачесом, скрывающим лысину, и пухлым кожаным портфелем. *Врач.* Альсада убрал плащ со стула; под ним обнаружилась сложенная вдвое вчерашняя газета. Немало воды утекло с тех пор, когда они могли позволить себе покупать газеты каждый день, – политика жесткой экономии давала себя знать. Прежде чем незнакомец смахнул газету на пол, Альсада успел, сощурившись, прочесть заголовки об очередном бредовом распоряжении министра экономики Кавальо: «В праздники Центробанк разрешит снимать со счетов до пяти сотен песо». Альсада подавил невеселый смешок, чтобы врач, чего доброго, не вступил с ним в беседу. *Пять сотен песо.* И все же семейству Альсада еще повезло – казалось, миллион километров отделяет их жизнь от жизни обитателей Вильи 21, трущоб примерно в двадцати кварталах от их относительно благополучного района. Когда Хоакин с Паулой и Сорольей собирались в своей баррикадской гостиной, чтобы посмотреть вечерние новости, картинки на экране кремowego телевизора казались почти фантастическими, словно из иного мира, – точно кадры,

¹³ Кофе с молоком, пожалуйста (*исп.*).

¹⁴ Ну что за дерьмовый день (*исп.*).

сделанные каким-нибудь водолазом в подводной пещере. Да, им еще повезло. *Забывается всё, кроме голода.* Кстати, о голоде: так что же случилось этим утром?

Альсада, голодный, опаздывающий, пулей влетел на кухню. Времени на полноценный завтрак уже не было, но он рассчитывал прихватить с собой в дорогу немного альфахорес. Сороля уже ушел, а Паула сидела за столом и пила чай.

– Я твои альфахорес вчера в школу унесла, – призналась она чуть погодя.

Альсада отвел взгляд от полки буфета, на которой искал печенье, и задержал его на своем отражении в дверце микроволновки.

– Они сознание теряют, ¿sabés?¹⁵ – продолжила Паула и уставилась в никуда. С ее места открывался вид на сад, но Альсада, даже не поднимая на нее глаз, знал, что взгляд ее устремлен в пустоту. Он сел напротив и взял ее ладони, еще теплые от кружки с чаем.

– Паула.

Она была точно в трансе.

– Я не сразу поняла, что это из-за того, что дома им нечего есть. Не знаю, давно ли это все началось. – Она посмотрела на него невидящим взором, с каждой секундой стекла ее очков все сильнее туманились. – Зато знаю, что учеба у них не на первом месте. Точно знаю.

Альсада нежно сжал ее руки, чтобы успокоить. Паула затихла.

– Дело в элементарной нехватке бензина, – продолжила она, чуть помолчав. – Куда важнее съездить к родне, которая держит кур. Семью надо кормить. Поэтому дети, которые добираются до школы... Их с каждой неделей все меньше и меньше. Но те, что добираются, приходят пешком. Когда я только узнала об этом, я очень расстроилась – одному богу ведомо, какие опасности поджидают восьмилетку на грунтовой дороге, ведущей в город. Я гнала от себя эти мысли. Что я могу поделать? Хорошо хоть они вообще в школу ходят. Как там говорят? «Лучшее – враг хорошего». Но потом, в понедельник, я стала писать на доске таблицу умножения и одновременно читала ее, даже мел положить обратно не успела. Было тихо – настолько, насколько это возможно, когда стоишь к детям спиной. И тут я услышала глухой стук. Сильвина во втором ряду. – Паула качнула головой. – Я всех выпроводила поиграть. Тут-то она мне и призналась, что толком ничего не ела начиная с выходных. А это ведь по меньшей мере три дня, Хоакин... – Точно он сам этого не понимал.

Альсада крепче сжал ее руки.

– У них случаются обмороки, Хоако. Обмороки.

– Послушай меня. Плевать мне на альфахорес.

– Я ведь понимаю, что печенье проблемы не решит. И у нас нет денег на то, чтобы подкармливать двадцать семь голодных детишек. Но что же мне теперь, молча смотреть, как они страдают?

Ну что тут ответишь?

К счастью, зазвонил телефон.

Альсада так глубоко задумался, что чуть не съехал с барного стула. Но успел ухватиться за стойку и упереться левой ногой в пол. И в этот момент увидел его, сидящего у окна, за самым лучшим столиком, спиной к остальным, всей позой демонстрируя себялюбие и надменность. Галанте. *Комиссар Галанте. Насолько уверен в себе, что даже на вход не поглядывает.*

¹⁵ Понимаешь? (исп.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.